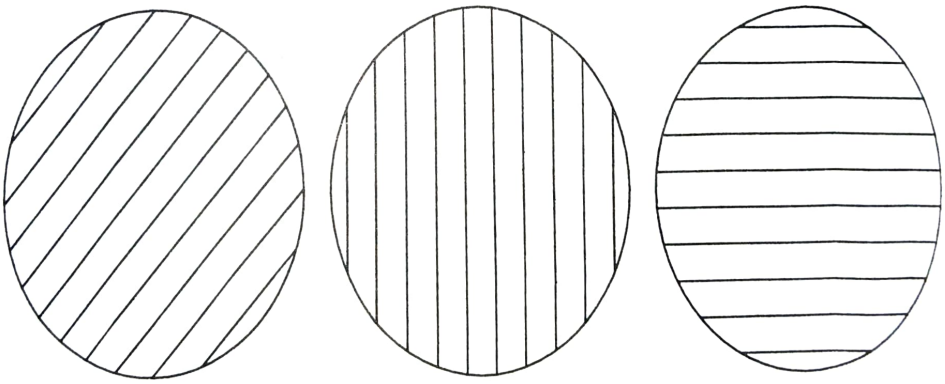
Л. П. Михайлова
Петрозаводск

ФОЛЬКЛОРНОЕ СЛОВО В ОТНОШЕНИИ К ДИАЛЕКТНОЙ ЛЕКСИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ

В произведениях устнопоэтического творчества активно используется лексика, имеющая этимологическую связь с общеизвестными словами, но отсутствующая и в литературном языке, и в говорах (по данным областных словарей). Вопрос об отношении фольклорного слова к диалектной лексической системе касается общей проблемы устнопоэтического языка и диалекта, которая решается учеными по-разному в зависимости от поставленных задач, о чем неоднократно пишет З. К. Тарланов. Есть все основания согласиться с мыслью исследователя о том, что язык фольклора «может сопоставляться с любой другой разновидностью русского языка в его парадигматической соотнесенности», то есть и с диалектом, и с литературным языком, и с языком художественной литературы и т. п.[1] Сопоставление лексики говора и устнопоэтического языка, как нам представляется, необходимо проводить с учетом связи того и другого с общенародным языком, с литературной разновидностью языка. Связь эта может быть представлена в виде пересекающихся кругов ЛЯ (литературный язык), Д (диалект) и ФЯ (фольклорный язык), имеющих общее ядро на всех языковых уровнях. Специфика каждого из них обнаруживается в несовпадающих элементах.

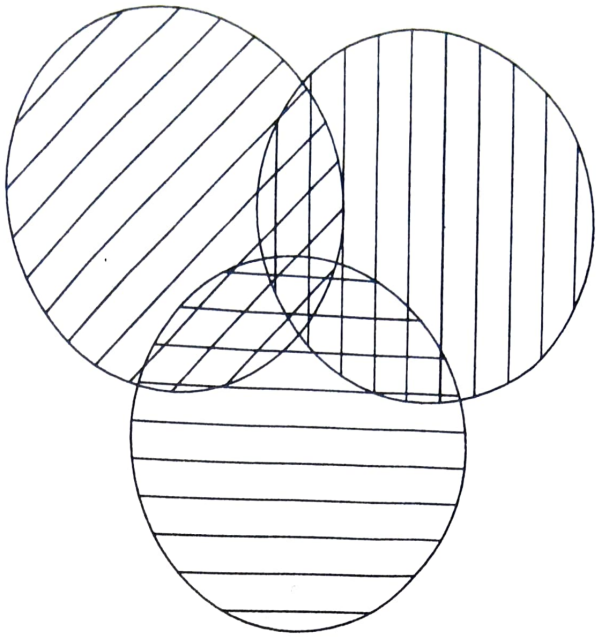


Не касаясь эстетической стороны языка фольклора, обратим внимание на то, чем конкретно, материально отличается фольклорное слово от обще-

© Михайлова Л. П., 2001

[1] *З. К. Тарланов*. Русские пословицы: Синтаксис и поэтика. Петрозаводск, 1999. С. 17.

известного и диалектного. При рассмотрении данного вопроса следовало бы коснуться понимания диалектного слова в широком и узком смыслах, известной дискуссии 50—60-х годов о том, что считать диалектным словом: любое слово, которое употребляется носителем говора (Б. А. Ларин, О. Г. Гецова), или только то, которое отличается от литературного или просторечного фонемным составом или семантикой (Ф. П. Сороколетов и др.). Мы остановим внимание лишь на дифференциальной диалектной лексике, а также на дифференциальной фольклорной лексике, то есть такой, которая свойственна только языку устнопоэтического творчества.



Материалом наблюдений служат причитания И. А. Федосовой, Н. С. Богдановой и А. М. Пашковой, опубликованные в сборнике «Избранные причитания»[2]; М. Ф. Павковой, А. Т. Зуевой, Е. С. Журавлевой, А. М. Пашковой, П. В. Пименовой, А. Г. Хмыловой, У. Г. Моисеевой, представленные в сборнике «Русские плачи Карелии»[3].

Приведем пример употребления в народнопоэтическом тексте слов диалектных и фольклорных из свадебного причитания А. Т. Зуевой, уроженки д. Рангозеро Куганаволокского с/с Пудожского района:

Уж пропустите красну девушку
Ко кирпицной белой пеценьки
И ко муравленому *жараточку*,
Ко прикладнему *ошесточку*.
Уж поспрошу, **многоневольница,**
Уж у кирпицной белой пеценьки:
Кто огням был **выдувателем,**
Кто луцины **подавателем,**
Кто свеци был **зажигателем**?
.....
Кто ворот был **отлажателем,**
Кто сватов был **запущателем**?
Хоть моя родитель-матушка

[2] Избранные причитания / Под ред. А. Астаховой и В. Базанова. Петрозаводск, 1945 (далее при цитировании *1945* с указанием страницы).

[3] Русские плачи Карелии / Под ред. М. Г. Азадовского. Петрозаводск, 1940 (далее при цитировании *1940* с указанием страницы).

Была воротам **отворятелем**
И сватам да **запускателем**.
(1940, 210)

Еще один пример — из плача У. Г. Моисеевой «Потеряла потеряшечку, голову да безоценную»:

Как у сына у *баженого*
Нету в грудушках **дыханьица,**
В очах нету **гляденьица,**
Во устах да **говореньица**,
Нету в ноженьках **хоженьица**,
Нету в ручках **шевеленьица**.
(1940, 191)

Исполнители пользуются разными словообразовательными рядами для создания соответствующего настроения, для выражения эмоционального состояния. Неодинаковые функции у слов с суффиксами **-тель-** (**выдуватель**, **подаватель**, **зажигатель**, **отлажатель**, **запущатель**, **отворятель**, **запускатель**), **-ице-** (**дыханьице**, **гляденьице**, **говореньице**, **хоженьице**, **шевеленьице**) и у сложносуффиксального образования **многоневольница**.

В приведенных отрывках собственно диалектными являются слова **жараточек** и **ошесточек**, обозначающие части русской печи. Такого рода слова, на первый взгляд, не следует относить к фольклорным, они выполняют такую же функцию, как и любое литературное слово типа **спаленка**. Однако в обыденной речи диалектоносители чаще употребляют нейтральную в экспрессивно-эмоциональном отношении форму **жараток** и **ошесток**. Использование уменьшительно-ласкательных форм диктуется всей структурой фольклорного текста, отражающего ситуацию абсолютного благоприятствования. Следовательно, диалектное слово становится неотъемлемым элементом устнопоэтического текста, переходя из диалектной лексической системы в фольклорную. Аналогичный процесс наблюдается и при употреблении общераспространенных слов типа **местечко**.

Ах, дайте **мистицка** немножецко
Со одну да *мостовиценку*,
Со *мостинки* **половиноцку**,
С **половиноцку**, *третиноцку*.
(1940, 210)

Надо заметить, что в сводном областном словаре — СРНГ[4] — не выдержан последовательно принцип подачи фольклорных слов. Многие из них имеют помету «фольк.», но в ряде случаев таковая отсутствует при том, что помещаются иллюстрации только из фольклорных текстов. Довольно часто

[4] Словарь русских народных говоров. М. — Л., 1965 и след. (по выпускам).

слово вообще не приводится в СРНГ. В частности, к разряду последних относятся: **бумаженька** — *23*, *27*, **веснушка** — *23*, **плечушко** — *26*, **воронишка** — *27*, **несчастьице** — *27 (1945)*, **плановитель** — *191*, **ответушко** — *80*, **многобессчастная** — *99*, **многобедная** — *99*, **защитушка** — *157*, **заботушка** — *157*, **обуваньице** — *168*, **многодетинная** — *178 (1940)*.

С пометой «фольк.» в СРНГ помещены, например, такие слова: **евствушка** — *22*, **бессчастьице**, **бесталаньице** — *24*, **невзгодушка** — *25*, **неможеньице**, **морозушко**, **людушки** — *26*, **возрастаньице**, **горепашица** — *27*, **лесушко** — *70*, **могутушка** «крепость» — *68 (1945)*; **грудушки**, **гляденьице** — *190*, **многопобедная** — *99*, **живленьице** — *99*, **многобеднушка** — *157*, **многообидная** — *157*, **надеюшка** — *158*, **заменушка** — *168 (1940)*.

Ориентируясь на иллюстративный материал, можно с достаточным основанием к разряду фольклорных отнести и такие слова, помещенные в СРНГ, как **безуненный** — *21*, **бладыка** — *22*, *23*, *25* — *27*, **жирушка** — *24*, **ветрышек** — *24*, **векушко** — *26*, **бурлакушки** — *71*, **запростейший** — *58*, **жупляньице** «пение, щебетанье птиц» (север) — *67*, **гульбищечко** — *62 (1945)*; **говореньице** — *190*, **кукушица** — *80*, **писемышко** — *80*, **погребатель** — *81*, **веселышко** — *82*, **беднушка** — *157*, **одеваньице** — *168 (1940)*.

К признакам фольклорного слова, вероятно, можно отнести необычное для литературного языка и для говора соединение морфем, отражающее реализацию потенциальных слов в фольклорном тексте. Показателем этого служат многочисленные слова в «Плаче вдовы по мужу» И. А. Федосовой. Например, суффикс **-ушк-** соединяется с производящей основой абстрактного существительного: **тоскичушка**, **кручинушка**, **обидушка**, **невзгодушка**, **досадушка**, **смеретушка**, **стретушка**. Ср. также слова с суффиксом **-иц-**: **прегрешеньице**, **неможеньице**, **несчастьице**, **возрастаньице**, **живленьице** и др. Ласкательность выражается и в таких необычных образованиях, как **люстульице**, **Онегушко**, **рыболовушка**, **сдержавушка**, **поворотушки**, **людушки**, **чернильнички**, **молитовка**, **годышек**, **озерышко** и т. п.

Такие признаки слова, как целостность, выделимость и свободная воспроизводимость в речи, характеризуют слово вообще. Эти же признаки относятся и к фольклорному слову, но, по всей вероятности, есть основания указать на несвободную, связанную воспроизводимость фольклорного слова, ограниченную только фольклорным текстом. Свободное речевое употребление лишает слово целого ряда характеристик этнокультурного плана, какие отмечаются, например, С. Е. Никитиной[5] при тезаурусном описании языка народной поэзии.

Обычно наблюдается процесс заимствования слов из говора в фольклорный язык, но не наоборот. Однако некоторые единичные факты свидетельствуют и о проникновении фольклорного слова в диалектную лексиче-

[5] *Никитина С. Е.* Устная народная культура и языковое сознание. М., 1993.

скую систему: в говоре сел Сумский Посад и Нюхча Беломорского района записаны сочетания **свет-светится** (о тонкой фарфоровой чашке), **перехорошо-хорошо** «очень хорошо»; возможно, сюда же, в разряд заимствований из фольклора в диалект, относится и слово **тишинка** (с. Суйсарь Прионежского района). Употребления такого рода объясняются прежде всего тем, что исполнителями народнопоэтических текстов являются носители говора. Близость диалектной речи, особенно женской, к фольклорному языку на уровне лексики проявляется, вероятно, и в относительно частом использовании уменьшительно-ласкательных слов, в «ласковости» речи носителя говора.

Сопоставительное изучение лексики говора и фольклорного текста, известного (зафиксированного) на территории данного говора, предполагает обязательное составление словаря фольклорного текста (текстов) одного сказителя и полного или дифференциального диалектного словаря.